

А. КРУЧЁНЫХ

Язвы Аполлона

Вояки старого закала сходят с мировой арены — побеждают их совсем не воинственные народы: коммерсант оказался сильнее штыковых усов. Трагики типа Несчастливцева¹ со скрежетом зубовным, протодьяконским голосом и молнией в очах — сходят со сцены.

Для изображения ужаса в искусстве все реже пользуются пирамидой трупов, «пожаром сердца» и красным смехом² — вся эта бутафория заменилась чуть заметным сдвигом, серым цветом, новым правописанием. Вот, например, перед нами поэма А. Блока «Двенадцать». — Человек весело приплясывает и наигрывает на гармошке:

Ай, ай!
Тяни, подымай!
— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке.
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..
Тра-та-та!

И в то же время этот человек кричит:

Кипит в груди
Черная злоба, святая злоба...

Герои или злодеи? Где черное и где светлое? Чему поклоняется автор? Или он все смешал? («Черная злоба, святая злоба».) Кабак и святость — это ли не путаница понятий? Злодей порою сам не знает, кто же он: темная личность или пророк! Запутаны стали человеческие отношения и еще путаней международные, с их головокружительными «ориентациями». Неудивительно, если у простого человека сумбур в голове:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в святую Русь...

Но путаница не только у народа — она перешла и в верхи: что теперь делает «русская совесть» — литература?

Мы уже видели, что изысканный певец «Прекрасной Дамы» занялся частушкой. Его ли это дело? Народным ему быть не дано — слишком его частушки надуман<н>ы, «интеллигентски»; нет в них разгула и задора, но тем они показательней для современного искусства: писатель ведет Аполлона в кабак и там потчует его ханжей³. Безвольный Аполлон и вялый злодей!

Не принимает полностью ни одного, ни другого — все торчит, шито белыми нитками, не серое даже, а рябое.

Блок забывает, что имеет дело со стихом, и тянет пять строк подряд с глагольными рифмами.

Что, мол, они понимают? Частушка — искусство 5-го сорта!

Не вожаком является поэт, а плетущимся позади всех. И подхихикивает без креста! и набрасывает наспех черных злб, кабаков и всяких ужасов:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи.

(Вот что он главным образом заметил!) и заканчивает «счастливым концом»:

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной...

Ах, как нежно! Совсем Рождественский дед! И как знаменитые «ласки-маски», так же знакомы и забыты снега-жемчуга! Бескровный интеллигент под конец высунул свое лицо и жиденьким голоском тянет:

В белом венчике из роз
Впереди Иисус Христос!

За последнее время выявили свое лицо и другие поэты.

Желают, например, прославить и воспеть родину — и пишут гимн на мотив кэк-уока:

Да славится Россия,
Да здравствует она.
Великая Россия,
Непобедимая страна!..⁴

Ф. Сологуб

Принимается «академик» В. Брюсов за издание Пушкина⁵ и коверкает его: на поэта, строки которого мы заучили на-

изусть, в определенном виде и порядке слов и букв, напяливают новое американизированное (сокращенное) правописание. Пушкин без і, ъ, ѣ то же, что Венера в пенсне и американских башмаках.

Слишком модно! Нестерпимо!

Уж лучше сразу «пальни в Святую Русь»!

И Пушкин — только начало. Мы уже слышали, что к памятнику Петра Великого хотят приделать голову не то Стеньки Разина, не то Троицкого.

Смешение стилей и языков равно смешению понятий. И смешение покамест нелепое, рябое! Но мы придем к тому, что все краски исчезнут, превратятся в одну защитно-серую.

Как представляется жизнь современному человеку?

Раньше любили изображать ужас жизни в виде дракона, зверя или пустой бани с серыми пауками по углам⁶ — но все это оказалось еще сносным. Во всем этом еще бьется общая жизнь, и заключенные в одиночках дружили с пауками.

Пальнуть во все живое — вот современный ужас! Ничего не оставить! Надо быть всеильным!

<...>

